

Марина Терянник

# ЖИЗНЬ МИ

ДВЕ ДУШИ. ОДНА ЛЮБОВЬ.  
БЕСКОНЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ.

18+

# Марина Терянник

## Жизни Ми

*<https://litres.ru/74436019>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

В начале времен душа по имени Ми отказалась становиться человеком. Пока однажды не встретила Яра. Ради него она полюбила. Ради него предала свою природу. Ради него стала богиней войны, обратив врагов в горы пепла. Их первая жизнь закончилась слезами на поле боя. Их вторая начнется там, где заканчивается память. Фэнтези-роман о любви, которая сильнее законов Вселенной. Каждая глава - новая эпоха, новое тело, новая битва за право быть вместе. Ведь обещание, данное перед лицом вечности, нельзя нарушить

# Содержание

|         |    |
|---------|----|
| Глава 1 | 4  |
| Глава 2 | 9  |
| Глава 3 | 18 |

# Марина Терянник

## Жизни Ми

### Глава 1

Там, где нет ни света, ни тьмы, там, где берет исток каждая душа, началась история одной из них. Ее звали Ми, и она не желала воплощаться. Зачем ей проходить суровые уроки Земли? Ей достаточно было парить в безвремяе, наблюдая за танцем мириадом судеб и развитием живого со стороны. Свобода — вот все, что ее интересовало. Из мира в мир, из реальности в реальность, без единой привязки. В месте их зарождения, похожем на незримый водопад первозданной силы, опыт прошлых жизней растворяется навсегда, уступая место абсолютной чистоте. Место нереальной красоты и гармонии. Так Ми путешествовала веками, пока однажды не встретила душу, чей зов пронзил саму ткань вечности. Ее потянуло к нему неодолимо, словно магнитом. И здесь начинается истинная история.

На земле стояло лето. В воздухе пахло сладким соком трав, но ледяной ветер пронизывал до самого нутра. Скалистые равнины тянулись от горизонта до горизонта. Эту землю заселили гиганты. Наступили голодные времена. Пищи становилось все меньше, и племя глухо роптало, гото-

вое обернуть копыта против собственных детей. Яр, великий и ужасный вождь, знал: пора менять логово. Собрав своих воинов, он повел их в поход сквозь мертвые земли. Его боялись до дрожи и почитали до слепоты. Он был огромен даже среди себе подобных, его черная шерсть казалась темнее самой пустоты, а глаза горели древней кровожадностью. Но была в нем и искра созидателя — беспокойство о своем народе. Ради племени он был готов на всё. Войн он не страшился, ибо сам был смертью во плоти. Но любви в его жизни не было никогда.

Ми видела то, чего не замечали другие. Пока племя жалось у жадных костров, Яр всегда уходил вдаль, чтобы никто не видел его лица. Она стала следовать за ним тенью эфира. Играла с ним, как дитя играет с грозовой тучей. То дуновением ветра бросит ему на нос дикий цветок — гигант лишь раздраженно поморщится и утробно зарычит, а она беззвучно смеется над этим гневом. То окропит его росой, то обрушит сверху град диких фруктов. Он шипел и ревел, думая, что судьба отвернулась от него окончательно, наслав безумие. А Ми хихикала в пустоту. Ей так хотелось обнять эту каменную гору мышц, помочь ему, докричаться сквозь толщу его одиночества.

Настала зима. Пока племя грелось у огня, Ми не отходила от стоянки ни на миг. Она ловила каждую искру своим дыханием, чтобы пламя не угасло, перенаправляла шквалы ветра, укрывая спящих от смертельного холода, и пела Яру

песни... Песни о том, как он прекрасен и велик в своей первобытной ярости. И тогда Ми начала любить. Не имея тела, она взмолилась, чтобы сама Вселенная связала их серебряной нитью судьбы. Она молилась каждый день, и Мир Душ ответил ей. Их души сплелись воедино в тот самый день, когда грянула война.

Яр привел свое племя к плодородным землям. Полноводные реки, кишасшие рыбой; неприступные скалы, хранящие тепло; бескрайние сады плодоносных деревьев. Это место напоминало рай. Племя огласило долину торжествующим ревом. Радость была столь велика, что казалось, сами горы вибрируют в ответ. Гиганты начали строить новый дом. Полгода по земным меркам царил идиллия. Деревня разрасталась, рождались новые обычаи, в котлах никогда не переставало кипеть мясо. Все были сыты, но Яр оставался несчастен. Среди детского смеха и песен он бродил одиноким стражем, и эта тишина внутри него пугала Ми больше голода. Она не могла смотреть на его муку. Чтобы подарить ему счастье, Ми пришлось совершить жертву. Она соткала для него женщину из грез, вдохнув в нее жизнь. Ей было невыносимо больно становиться невидимым духом рядом с той, чьи касания теперь дарили вожаку покой. Той, на кого он смотрел без тени ярости — с нежностью. Вскоре у Яра родился сын — крохотный, озорной гигант. Ми приняла и его под свою защиту. То поймает летящий камень незримой рукой, то вынесет волной на берег, если дитя упадет в реку, то сбросит ветку

прямо под ноги задиристому хищнику.

Но идиллия хрупка. Настали трудные времена, и три соседних племени, ослепленные завистью, пошли на них войной. Битва была жестокой. В ту ночь небеса захлебнулись кровью, а землю охватило диким пламенем. Повсюду стояли крики умирающих. Ми металась между скалами. Она не успевала тушить пожары, заживлять разорванную плоть и отводить секиры. Но они чувствовали ее незримое присутствие в отблесках огня, чудом отклонявших смертельные удары. Они возделывали руки к небу, молясь своей спасительнице, и прозвали ее Богиней Света. Однако в эту ночь богиня не могла справиться одна. Смертные слишком слабы. Яр сражался в самом сердце бури, самоотверженный и яростный. И в момент, когда последний воин его рода пал, Ми приняла решение. «Я убью врагов, но сохраню свой народ», — прошептала она, впервые обретая плоть. С небес сошла фигура из чистого белого пламени. Одним ударом воли она испепелила армии захватчиков, обратив тех, кто посмел вторгнуться в эти земли, в вечные изваяния — такие же холодные горы и скалы. А Яр... он увидел ее впервые. Увидел ту, что хранила его сон, та, чье дыхание он принимал за ветер. Но было поздно.

Ми подбежала к нему сквозь оседающий пепел. Опустилась на колени в кровавую грязь, взяла тяжелую голову гиганта в свои светящиеся ладони. По его щекам, таким грубым и родным, текли слезы. Выживших женщин и детей она

уже спрятала высоко в горах, накрыв куполом покоя. — Прости, — выдохнула она. — Мы еще встретимся в следующей жизни. Я буду искать тебя во всех мирах, которые нам суждено пройти. Я обещаю. Я найду тебя. Она коснулась его губ прощальным поцелуем, отдавая ему остатки своего бессмертия. Яр умер с именем ангела на устах. А она впервые всем своим существом захотела спуститься на Землю вслед за ним, приняв закон круга перерождений ради единственной любви

# Глава 2

## Глава 1. Испания, 1851 год. Память стекла

Первое, что я помню — это тишина, расколотая треском мороза. Мне не было и минуты в этом теле, а зима уже рисовала на стекле свои серебряные шрамы. За окном выла метель, но здесь, в колыбели, пахло воском от дешевой свечи, парным молоком и чем-то невыразимо родным.

Я смотрела на них сверху вниз, хотя мое крошечное тельце еще даже не научилось держать голову. Мама. Папа. Вот она, та самая магия, ради которой бессмертная душа Ми согласилась стать смертной девочкой Лили. Мы жили бедно: половицы скрипели, крыша требовала починки, а ужин часто состоял лишь из чечевичной похлебки. Но наш дом был вылит из чистого золота любви. Она сочилась сквозь щели рассохшихся ставен, дрожала в пламени свечи и плескалась во взглядах моих родителей, когда они думали, что их никто не видит. Они забыли всё о своих прошлых жизнях. Забыли свет, откуда пришли. Но я видела. Я помнила сияние за их плечами. И лежа в мокрых пеленках, я беззвучно кричала им всем своим существом: *«Спасибо! Спасибо, что выбрали вас для меня!»*

Мама была похожа на утреннюю зарю — вся из плавных линий, теплого смеха и рыжих волос, выбивающихся из небрежного узла. А папа... Он хромал на правую ногу после

падения с каменоломни, лицо его было грубым, словно высеченным из скалы, и на любую просьбу он отвечал тяжелым вздохом. Но этот вздох означал одно: «Уже делаю». Он молча вешал полки, передвигал неподъемные шкафы и вырезал мне деревянных лошадок, у которых вечно отваливались ноги, потому что дерево было гниловатым. Денег не было совсем, но то, как он смотрел на маму, стирало всю нищету этого мира. Это было до боли, до слез родное.

Весна пришла внезапно, обрушившись на городок запахом влажной земли и цветущего миндаля. Мне три года. Мы сидим на пледе в парке, и липкое мороженое течет по моим пальцам. — Мам, — спрашиваю я серьезно, слизывая сладкие капли. — А почему ты любишь папу? Она смеется, и ее смех рассыпается серебряными колокольчиками: — Лили, милая, любовь не бывает «почему». Ее нельзя заслужить или объяснить. Ну как можно не любить нашего медведя? — она кивает в сторону папы, который неуклюже пытается запустить бумажного змея. — Не знаю, — хмурюсь я. — Девочки из соседнего дома говорят, что он некрасивый. Дразнят его из-за того, что он хромает. Внутри меня всё закипает. Хочется пойти и расцарапать этим глупым девчонкам лица. — А ты? — тихо спрашивает мама. — А я хочу их стукнуть! — выпаливаю я и, решив искупить вину, протягиваю ей остатки своего рожка. — На, мамочка. Я бегу к качелям,

ослепленная детской обидой за отца. В тот день я не заметила, как потемнели ее глаза, как горькая складка залегла в уголках губ. *Кстати, да. В этой жизни меня зовут Лили. Но внутри я остаюсь Ми.*

Вечером отец сидел за столом понурый. Мама подошла сзади, обвила его шею руками и начала шептать ему на ухо такие слова, от которых краснел бы камень. Что он самый сильный мужчина на свете. Что его руки созданы для того, чтобы обнимать королев. Отец только смущенно вздыхал — так громко и протяжно, что весь стол дрожал. На нашем языке вздохов это значило: *«Женищина, перестань, соседи услышат»*. Но если моя мать что-то задумала, остановить ее мог только библейский потоп. Как-то раз она решила построить мне дом на дереве. Сама. Тайком. Прогнала отца, едва он занес молоток. Домик вышел жалким: кривые доски, торчащие гвозди, готовый рухнуть от первого чиха. Ночью я проснулась от скрипа. Выглянув в окно, я увидела темный силуэт отца. До самого рассвета он перекладывал балки, мурлыча себе под нос старую матросскую песню. Утром на дереве стоял маленький замок. Мой тайный мир, где я пряталась от всех детских трагедий до самой юности.

Лето пахло пылью дорог и сушеными травами. Родите-

ли выносили во двор старый стол и устраивали чаепития. Мать блистала, рассказывая истории, заставлявшие соседей давиться от смеха. Отец пытался шутить в ответ, но его юмор был таким же угловатым, как он сам — гости вежливо улыбались, а мы с мамой переглядывались и прыскали в кулак. Когда мне исполнилось пять, нас повезли в поместье де ла Вега. — Лили, води себя прилично, — шипела мама, пока кучер открывал ворота. — Там Ричард приехал. Ричард ждал нас на лужайке. Золотистые локоны, бархатный камзолчик, фарфоровая кожа. Идеальный мальчик из дорогой кукольной лавки. Я тоже была красивой девочкой, но воспитание, как говорил папа, оставляло желать лучшего. Едва завидев Ричарда, я рванула к старому дубу и вскарабкалась на самую верхушку. — Слезай немедленно! — крикнула снизу мама. — Стыд какой! — Не слезу! — огрызнулась я. — Снимите, если сможете! Я лучше найду Яра и выйду за него замуж! Тишина внизу стала густой, как смола. Я замерла, вцепившись в ветку ледяными пальцами. Кто такой Яр? Почему эти слова сами сорвались с языка? Откуда в моей пятилетней голове имя мужчины, которого я никогда не встречала? Внутри вспыхнула такая отчаянная, слепящая уверенность, что горло перехватило спазмом. Я кубарем скатилась вниз, упала коленями прямо в гравий дорожки и зарыдала, цепляясь за юбку матери. — Mamochka, prosti! Prost menia! Я не хотела! — я захлебывалась слезами, чувствуя, как разум уплывает куда-то во тьму. Мне казалось, что случилось нечто непо-

правимое. — Тише, маленькая, тише, — она гладила меня по спутанным волосам. — Кто такой Яр, солнышко? Не плачь, пойдем к гостям. Тебя очень ждет папа. Ты же наша принцесса. Он говорит, что если нас вдруг не станет, ты останешься одна, и кто тогда защитит нашу девочку? Ее слова ударили под дых. — Как... не станет? Вы умрете?! — мой вопль, наверное, слышали в Мадриде. — Нет, рыбка моя, нет, конечно! — испугалась она. — Просто... когда-нибудь потом. Когда ты вырастешь, заведешь своих детей, мы станем старыми. Хорошо бы рядом был муж, который сможет о тебе позаботиться. Ричард хороший мальчик, он вырастет и будет таким же надежным, как твой папа. — Не будет! — топнула я ногой, размазывая грязь по щекам. — Ричард будет плохим! У него глаза пустые! Он точно не будет как папа! Но спорить дальше сил не было. Я послушно вложила свою ладошку в мамину и поплелась знакомиться со своей будущей клеткой. Время шло. Постепенно я привыкла к нему. Его золотые волосы начали казаться красивыми, а редкие добрые поступки трогали сердце. Я почти убедила себя, что ошиблась. Почти...

Осень укутала поместье де ла Вега в запах прелых яблок и дорогих сигар. Тот вечер звенел хрусталем и женским смехом. Моя мама, забыв о статусе гостей, закатав рукава шелкового платья, помогала служанкам носить тяжелые подносы

с паштетами. Воздух дрожал от тепла каминов, вина и пряностей. Жизнь была идеальной картинкой.

А потом раздался звук. Не крик. Звук лопнувшего сердца вселенной. Тонкий, почти музыкальный звон бьющегося стекла. И сразу за ним — глухой, влажный хлопок, будто кто-то с размаху уронил на пол перезрелый арбуз.

— Мама! — Лили, стой! — истошно взвизгнула хозяйка дома, пытаясь поймать меня за рукав. — Где мой сын?! Я вырвалась. Влетела в столовую-кухню, оскальзываясь на чем-то липком.

Он сидел на полу в углу, закрыв лицо ладонями, и тоненько, по-щенячьи скулил. А посреди комнаты стояла моя мама. Но она больше не была целой. Взрыв реторты окутал ее облаком едкого сизого дыма. Она медленно оседала на пол, прижимая руки к груди, словно пыталась удержать внутри то, что рвалось наружу. По светлому шелку платья стремительно расползлось темное пятно. Осколок глубоко вошел в шею. Время замедлилось, превратившись в густой кисель. Шансов не было ни секунды.

А он просто сидел и плакал.

Кровь шумела в ушах так, что я не слышала собственного крика. Мир сузился до этого темного пятна на ее платье. Это он должен был стоять там! Он! Этот бесполезный фарфоровый болванчик! Какого дьявола она шагнула вперед, заставляя его собой?! Моего ангела больше нет. Мою мамочку, которая пахла имбирным печеньем и счастьем, уничтожило

ради того, чтобы спасти его никчемную жизнь.

Слова застряли в горле сухим комом. Слезы жгли кожу, но я не могла издать ни звука — голосовые связки свело судорогой первобытного ужаса. Я хотела отмотать время назад, лечь вместо нее под этот взрыв. Хотела уметь исцелять прикосновением. Хотела, чтобы Бог забрал меня вместо нее. Но я была всего лишь сломанной игрушкой. Пятнадцатилетней беспомощной девочкой.

Помню тяжесть отцовских рук, которые оторвали меня от пола. Помню, как я рвалась из последних сил, царапая его лицо, пытаюсь вернуться к ней, к этому пятну, которое становилось все шире. Он зажимал мне глаза огромной ладонью, прижимал к своему пропахшему древесиной сюртуку и пытался к выходу, шепча: «Не смотри, милая, только не смотри». Дальше — чернота.

Очнулась я в мягкой постели. Рядом сидел сгорбленный папа, постаревший лет на десять. Напротив, на краешке стула, примостился Ричард. Его золотистые волосы растрепались, под глазами залегли тени. Он выглядел искренне расстроенным.

Ненавижу. Всем фибрами души, всей памятью своей бессмертной души Ми — ненавижу. Из-за тебя умерла моя мама. Из-за твоего страха. А теперь ты строишь тут скорбную мину. Лицемерный ублюдок.

— Лили... как ты? — спросил он осторожно. — Прекрасно, — процедила я сквозь зубы. Голос звучал как наждак. — Где мама? Папа издал странный горловой звук, похожий на рыдание раненого зверя, и спрятал лицо в руках. — Лили... — прошептал он. — Это был не сон, — констатировала я мертвым голосом. — Нам так жаль, дитя... — Лжецы! — взвилась я, скидывая одеяло. — Вам не жаль! Ни капли! Вы рады! Вы всегда хотели, чтобы ее не стало! Признайтесь! — Лили, прошу, успокойся! Тебе вредно волноваться! — папа попытался уложить меня обратно. — Не трогайте! Мама! Мама-а-а! Ричард резко дернулся. В его руке блеснуло стекло. Он открыл маленький флакон с притертой пробкой и сунул его мне под нос. Резкий запах миндаля и химикатов обжег ноздри. Мир снова начал гаснуть, распадаясь на черные лоскуты. Последнее, что я слышала сквозь толщу вязкого сна, был его шепот: «Это ради твоего блага, Лили».

Темнота была теплой. Бескрайней. Здесь надо мной возвышались фигуры из живого света, пульсирующие энергией звезд. Гиганты. Само пространство дышало любовью. Меня звали Ми. Мне было бесконечно хорошо. *Почему я выбрала страдать? Зачем спустилась туда, где тела предают, а стекло режет плоть? Почему ушла моя мама?* — Я не ушла, — голос прозвучал везде и нигде одновременно. Теплый, родной, пахнущий карамелью. — Это был выбор моей

души, милая. Вспомни всё. — Мама?! — я крутилась на месте, пытаюсь увидеть источник голоса, но вокруг были лишь потоки энергии. — Я ищу тебя и не вижу! — Ми, девочка моя. Тебе еще многому нужно научиться. Я буду оберегать тебя отсюда. А потом перерожусь, как и ты. Таков закон колеса. — Мамочка, пожалуйста... вернись... — я втянула воздух, пытаюсь уловить след. И поймала его. Сладкий запах корицы, муската и свежей выпечки. Имбирное печенье. Субботнее утро на нашей кухне. — Я скучаю. — Я знаю, сокровище. Эта боль сделает тебя сильнее. Но запомни: любовь — это единственное, ради чего стоит терпеть земную пыль. Ми, вспомни, кто ты. Найди свой путь. Ее образ задрожал, растворяясь. И перед моими закрытыми глазами замелькали картины будущего. Огонь, войны, чужие лица, бескрайние океаны, мужские руки, сжимающие мои плечи. Образы проносились слишком быстро, мозг не успевал их осознать. Но одну вещь я знала наверняка: я должна выжить. Я должна вернуться. Потому что где-то там, среди этих грядущих кошмаров, меня обещал ждать Яр. И сейчас, проваливаясь обратно в искусственную темноту опиумного дурмана, я впервые поняла смысл той детской клятвы на дереве. Я найду его. Чего бы мне это ни стоило.

# Глава 3

## Глава 2. Мышеловка

Пять лет без мамы.

Говорят, время лечит. Ложь. Время — это просто пятьдесят два месяца гниения заживо. Мой извечный медведь, мой несокрушимый рычащий на весь мир отец, превратился в тень, пропитанную сивухой и отчаянием. Ему едва за сорок, но зеркало отражает девяностолетнего старика. Кожа пожелтела и пошла глубокими трещинами морщин. От него несет кислятиной и скорой смертью. Он почти перестал ходить — старая травма ноги теперь не просто ныла, она грызла его кость тупым ржавым ножом каждый раз, когда он пытался встать. И чтобы заглушить эту боль, он пил. Пил так, что иногда небо забывало вернуть его домой.

Еда по-прежнему стояла на столе. Но из нашего дома выветрилось тепло. Смех задохнулся под потолком, оставив после себя лишь липкую паутину моих тихих всхлипов и его пьяного хрипа. Дышать здесь стало тяжелее, чем на дне реки.

— Папа... — мой голос дрожал, но я должна была попытаться. В последний раз. — Когда ты прекратишь? Мамы больше нет, но у нас остались мы. Мы должны жить дальше!

Он поднял на меня мутные глаза. В них плескалось черное безумие. — Отошла! Прочь, окаянная! Я любил ее! Все для нее было! — Папа... а как же я? Ты ведь тоже... — У тебя еда

есть?! Есть! Вода есть?! Одежда висит?! Вот и жри молча! Не смей мне напоминать о ней! С глаз моих, отродье!

Удар отбросил меня к стене. Адская сила, которой вчера еще был мой отец, вложилась в этот толчок. Тяжелая глиняная пинта пива, стоявшая у его локтя, хрустнула фарфором прямо об мою ключицу. Осколки впились в кожу. Я упала на пол, глотая пыль и соленую кровь. — Папа... за что?.. — Не скули, дрянь! Живо сгоняй еще за одной!

Боль взорвалась внутри белой вспышкой. Но страшнее физической муки была пустота. Там, где раньше жила дочерняя любовь, теперь пульсировала холодная, звенящая ненависть. Она выжигала меня изнутри, оставляя единственный путь к спасению.

Имя этому пути — Ричард. Я ненавидела его. Ненавидела всей душой, но каждую субботу начинала считать часы до того момента, как его карета заберет меня в поместье. Только там, среди мертвого аристократического лоска, я могла дышать. Скрыться с книгой в саду, где ветер пахнет розами, а не перегаром.

Мне придется стать его женой. Три месяца назад папа спустил наше имя и наш дом за карточным столом. Пришли люди с ледяными глазами, которым плевать на наши слезы. Нас вышвырнули бы вон уже к утру. Если бы не Ричард. Он оплатил отцовский долг. Своим чеканным золотом выкупил нашу жизнь, выставив единственную цену — мое согласие.

Я приняла его руку. Ради спасения стен, которые помнили

маму. А главное — ради лечения отца. По условиям сделки, Ричард оплачивал лучших столичных врачей. Это была моя сделка с дьяволом во спасение ангела.

И вот наступили очередные выходные.

— Лили, ты готова? — Да. Я собралась.

Ричард ждал внизу. Боги, как же он вырос. Из фарфоровой куклы с вечно надутыми губами он превратился в прекрасного оловянного солдатика — высокого, светловолосого, голубоглазого. Идеального. Слишком идеального. Того, кто много шумит своим сияющим доспехом, чтобы никто не услышал скрежета шестеренок внутри.

Он сам вынес мои жалкие два чемоданчика. Сам погрузил их в карету, словно я была бесценной вазой династии Мин. Подставил натянутую в белую перчатку руку, помогая подняться по ступенькам. Сел рядом.

Всю дорогу мы молчали. Гробовая тишина билась между нами. Его пальцы зарылись в мои волосы, нежно и властно, прижимая затылок к своему плечу. Другая рука нашла мою ладонь. Он нежно поглаживал мою кожу большим пальцем, пытаясь успокоить.

Я смотрела на сплетение наших рук и чувствовала, как внутри рвется натрое: животный страх перед моим будущим, глухое физическое отвращение и... предательская искра нежности? Нет. Иллюзия безопасности.

Я не могла ответить ему любовью. Но он старался купить ее оптом. Новые шелковые платья падали на кровать водо-

падом ткани. Сад вокруг особняка засаживали редчайшими цветами только ради того, чтобы их аромат сопровождал страницы моих книг. Он был безупречным женихом. Идеальным тюремщиком.

— Через три дня ты станешь моей, Лили, — он смотрел на дорогу, и лицо его светилось неподдельным, мальчишеским счастьем. — Я так счастлив. — Верно, — я выдавила из себя улыбку, похожую на трещину в стекле. — Ричард... какой будет наша жизнь? Что ты думаешь?

Он повернулся ко мне. В его глазах горел огонь собственного. — Лили... Я воздвигну для тебя золотой трон. Большой дом, лучшая мебель, любые капризы. Ты родишь мне троих сыновей. Трех богатырей! Они будут похожи на меня, конечно, но твои глаза... Я буду любить вас сильнее всего живого на этой земле. Он перехватил мой взгляд, сжимая пальцы чуть крепче: — Но тебя, моя милая Лили... тебя я буду любить особенно сильно. — А если девочки? Его улыбка стала хищной. — Милая, если судьба подарит нам дочерей, они будут прекрасны и непоседливы, точь-в-точь как ты в детстве. Я буду снимать их с вековых дубов, вытаскивать из самых грязных луж и обещаю тебе — ни разу не повышу голоса. Я построю стену вокруг вас из собственной жизни. Я буду оберегать вас!

Звучит сказочно. До тошноты. Жаль, моего отца не будет на этой свадьбе. Мысль ударила под дых. Веки обожгло предательской влагой. Я резко отвернулась к окну, делая вид,

что люблюсь лесом. Ричард заметил. Его дыхание сбилось. — Лили... Мы вылечим его. Лучшие врачи уже едут. Как только он придет в себя, то станет приезжать к нам каждый день. Я даю тебе слово чести.

Я медленно повернула голову. Стерла слезу тыльной стороной ладони. Посмотрела ему прямо в черные зрачки. — Лучше бы тебе сдержать данное слово, Ричард. Ведь именно из-за тебя он стал таким.

Его улыбка осыпалась пеплом. Лицо застыло мраморной маской оскорбленного бога. Казалось, я нанесла ему кинжальную рану одним лишь шепотом. Но думать об этом не хотелось. Напротив, глубоко внутри черной змеей шевельнулось темное, сладкое удовлетворение. Мне понравилось смотреть, как гаснет его свет.

До поместья мы ехали сквозь ночь. Молчание стало тяжелым, как могильная плита. Слуги встречали нас с факелами. Его служанки метались по дому испуганными теньями, расстилая белье и готовя покои. Его мать — грузная, оплывшая женщина с лицом сытой ящерицы — сидела на веранде. В руках она держала чашку с омерзительным горьким кофе. При виде экипажа эта туша вскочила, подобрала бархатные юбки и бросилась к нам, раскрыв объятия. — Сынок! Невеста приехала! Дай я тебя расцелую, девочка моя!

Теперь их дом — мой дом. Или все-таки клетка? Что-то холодное и древнее царапнуло меня изнутри. Инстинкт загнанного зверя. Голос, звучащий прямо под ребрами, про-

шептал: *«Сказка — это наживка. Первое условие любой масштабной лжи звучит слишком красиво»*. Каждое его обещание обернется против меня. Я переступила порог, двери закрылись с мягким, чавкающим звуком, отрезая путь назад.

Мышка попала в мышеловку. И запах сыра уже казался запахом формалина.

— Лили, душенька, иди прими ванну! — прошептала свекровь, беря меня под локоть сухими пальцами. — Тебе нужно отдохнуть, впереди такие трудные дни подготовки! Боже, какая бледная кожа... — Служанки УЖЕ ПРИГОТОВИЛИ ТЕБЕ ВАННУ, ДИТЯ! — подтвердила она, настойчиво подталкивая меня к лестнице. — Бегом! Смой до-рожную грязь! Иди купаться!

Я не выдержала. Истерика прорывалась наружу единственным доступным способом. Из горла вырвался сухой, ломкий смешок. Я посмотрела на Ричарда, потом на его хлопотливую матушку. — Как прекрасен ее смех! — выдохнул Ричард, и в его голосе прозвучало облегчение. — Видите, Джон? Она рада. — Да, сэр, вам несказанно повезло, — угодливо закивал кучер, выступая из тени.

Кучер Джон. Единственное живое сердце в этом мавзолее. Я любила этого старого пройдоху с тех пор, как научилась ходить. Помню его добрые, выцветшие от ветра морщинистые глаза. Седые усы, скрывающие усмешку. Рыжие кудряшки, выбивающиеся из-под форменной фуражки. И

огромное доброе сердце. Когда я была маленькой, он воровал для меня мороженое на ярмарках, пока взрослые торговались, а потом доставал огромный клетчатый платок из кармана своего потертого фрака и стирал следы преступления с моих щек, пряча улики от гувернантки.

Сейчас он стоял позади своего хозяина. Наши взгляды встретились на долю секунды. Старый Джон едва заметно качнул головой.

В этом жесте не было слов. Только приговор.